
ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

Социально-экономическое неравенство в современном мире и становление новых форм социального расслоения в России¹

О.И. ШКАРАТАН*

*Овсей Ирмович Шкаратан – доктор исторических наук, ординарный профессор, заведующий, Лаборатория сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 110100, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: ovsey.shkaratan@gmail.com

Цитирование: Шкаратан О.И. (2018) Социально-экономическое неравенство в современном мире и становление новых форм социального расслоения в России // Мир России. Т. 27. № 2. С. 6–35. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-2-6-35

В статье показано, что в настоящее время как в России, так и во всем мире проблемы социально-экономического неравенства не утратили своей актуальности, поскольку разрыв в доходах между богатыми и бедными слоями населения не сокращается. Несмотря на то, что в период экономического подъема в 2000-е годы доходы российского населения ощутимо выросли по сравнению с этапом реформ 1990-х годов, показатели неравенства в России остаются одними из самых высоких в мире. Де-факто осуществляемая властями социальная политика не достигает декларируемых целей; возможности налоговых мер по перераспределению богатств в пользу наиболее нуждающихся слоев населения остаются нереализованными. Весомая часть россиян живет в условиях бедности, многие из них при этом работают, но их доходы лишь незначительно превышают прожиточный минимум. В то же время отсутствие существенных результатов в эгалитарной политике государства сопровождается ростом числа олигархов, что позволяет сделать выводы о недостаточной реализации имеющегося потенциала по сокращению неравенства в России.

Ключевые слова: социально-экономическое неравенство, имущественное расслоение, бедность, социальная политика России, неоэтакратизм, уровень жизни

---

¹ Исследование осуществлено в 2017 г. в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Социальное неравенство в мире

Изучая проблемы социально-экономического неравенства в современной России, необходимо, по-видимому, учитывать как общемировые тенденции, так и специфические особенности, которые связаны с принадлежностью России к трансформирующимся обществам, переживающим переход от советской социетальной системы к новому состоянию, пока еще не во всем определившемся по своей направленности.

Положение людей остается фундаментально неравным во всех странах, включая и самые развитые постиндустриальные государства, и, несмотря на активную социальную политику, до сих пор повсюду встречаются свидетельства бедности и массового экономического и социального неравенства. Во всех странах привилегированные группы людей пользуются непропорционально большой властью, богатством, престижем и другими высокоценными благами. Наиболее удручающие факты неравенства в мире наблюдаются в отсталых странах.

Однако и в высокоразвитых странах проходили и проходят сложные и во многом неожиданные по отношению к оптимистическим предсказаниям 1960–1970-х гг. процессы. С начала 1930-х и до середины 1970-х гг. доля национального богатства, принадлежавшая 1% наиболее состоятельных семей, снизилась в США с 30 до 18%, в Великобритании – с 60 до 29%, во Франции – с 58 до 24%. Подобного рода данные послужили основой для выводов о преодолении капиталистических форм неравенства и о смене капитализма постиндустриальным обществом с иной социальной организацией. Но в новом цикле развития, начавшемся во второй половине 1970-х гг., капиталистическая природа обществ либеральной демократии вновь проявила себя в полной мере. Доходы одного элитарного процента населения росли с исключительной быстротой, достигнув в середине 1990-х гг. показателей 1930-х гг.: так, в 2007 г. в США эта часть населения вновь стала владеть 42% национального богатства, как это было даже не в 1930-х гг., а в 1900-х гг. У 0,1% сверхбогатых доходы подскочили в пять, а у 0,01% – в семь раз по сравнению с 1973 г. Если же оценить медианную заработную плату мужчин в самом активном рабочем возрасте от 35 до 44 лет, то окажется, что с поправкой на инфляцию она была в 1973 г. на 12% выше, чем в 2007 г. Помимо этого, если принять прирост национального богатства в США в 2000–2007 гг. за 100%, то более 73% его пришлось именно на долю 1% наиболее состоятельных американцев. В Великобритании размеры прибыли крупнейших компаний в июне 2007 г. превысили показатели 2002 г. в 7 раз; 1% самых обеспеченных граждан стал владеть 25% национального богатства, а 50% населения – всего лишь 6%. При этом стоит упомянуть, что из 60 млн населения этой процветающей страны 11 млн живут в бедности. [Иноземцев 2003; Россия и страны-члены Европейского Союза 2003; Мир в цифрах 2007; Готт 2007, с. 9; Кругман 2009, с. 134, 137–140, 141; Global Wealth Report 2014, pp. 11, 28; Бобылев, Григорьев 2016, с. 43–69].

Констатация рассматриваемого тренда правомерна и широко распространена, однако в этих подсчетах допускается методологическая неточность: в категории национального богатства объединяются и сравниваются качественно различные компоненты, например, капитал (средства производства, рабочие места) и стоимость потребительских ресурсов, что делает картину ярче и убедительнее,

но размывает смысл неравенства. Сравнение распределения капитала демонстрирует распределение экономической власти, а потребительских ресурсов – неравенство в качестве жизни. С точки зрения последнего критерия работнику все равно, кому принадлежит металлургический комбинат – государству, среднему бизнесу или гигантской корпорации. Концентрация бизнеса не имеет отношения к неравенству условий жизни, и последнее проявляется в неравенстве средств, идущих на потребление. В последнем случае мы должны сопоставлять ресурсы, которыми владеют разные классы общества (яхта vs стандартный автомобиль, дворец vs среднее жилище и т.д.), но, с другой стороны, может происходить сравнение капиталов: сколько акций на руках у золотого процента собственников. Как отмечалось в специальном докладе для Всемирного экономического форума в Давосе, такая концентрация богатства ведет к разрушительным последствиям, подвергая эрозии демократию, подрывая социальную стабильность и заведомо исключая равные шансы для всех [Outlook 2014].

Выдающийся французский экономист Тома Пикетти, проанализировав данные о росте концентрации богатства в Европе и США начиная с XVIII в., пришел к выводу, что в настоящее время уместно говорить о «потомственном капитализме», когда богатство концентрируется в одних руках и в основном передается по наследству, а не приобретается трудом или заслугами [Пикетти 2015]. Сверхвысокие доходы – это, как правило, доходы от собственности, источником которых обычно является непроизводительный капитал, присваивающий то, что относится к «общим благам» (природные ресурсы, научные знания, плоды технического прогресса и т.д.). Разительное несоответствие между рыночным распределением и фактическим вкладом производственных факторов служит веским основанием для применения прогрессивного налогообложения, позволяющего в какой-то мере смягчить экономические и социальные издержки сверхбогатства и бедности [Стэндинг 2014].

Расчеты, проведенные Л.М. Григорьевым по 150 странам, показали, что ВВП в целом на душу населения в мире за 1992–2010 гг. (по ППС) вырос на 45%, но и разрыв между значениями средних величин между группами стран существенно увеличился. Многие страны ЕС (например, Германия и Франция) не смогли поддержать темпы прироста ВВП на уровне мировой экономики и переместились из первого во второй кластер. «Получилось так, что успех в снижении неравенства между странами зависит от нескольких успешных стран. В верхнем кластере в 2010 г. (при фиксированных границах кластера 1992 г., умноженных на 1,45) остался небольшой набор из 9 исключительно богатых стран (например, Норвегии, США, Сингапура), в то время как верхний кластер в 1992 г. включал 15 стран» [Григорьев 2016, с. 163].

Анализ социального неравенства в мире показывает, что в среднесрочной перспективе предполагается плавное ускорение мировой экономики (по ППС) за счет развивающихся стран, что во многом связано с улучшением оценки динамики Китая, Индии, стран АСЕАН, Латинской Америки, темпы роста которых, по прогнозам, с 2020 г. превысят 5% при среднегодовом темпе роста мировой экономики примерно 3,5% в 2016–2020 гг. Развивающиеся страны, по оценкам МВФ, будут расти существенно быстрее государств развитого мира. Можно предположить, что такие развивающиеся страны, как Бразилия, Индонезия, Мексика, Турция, к 2030 г. могут обогнать по объему ВВП развитые страны Европы, а лидером по темпам роста среди европейских стран станет, по-видимому, Польша [Бобылев, Григорьев 2016, с. 43].

Понимание определяющего значения принципа справедливости с точки зрения долгосрочных целей развития общества все чаще конфронтирует догме неолиберализма. Тем более что практика показывает: общества, отличающиеся наиболее значительной степенью равенства, чаще добиваются более высоких темпов экономического роста. Помимо этого, также имеются свидетельства, что в этих странах лучше обстоит дело и с такими социальными индикаторами, как продолжительность жизни, общие показатели здоровья и благосостояния.

Неолиберальной модели рынка противостоит социал-демократическая модель, согласно которой, рынок – необходимое, но не единственное средство достижения целей общества: не менее значимы принципы социальной справедливости и равенства возможностей. Такая констатация не означает призыва к уравниловке, и речь идет о естественном, социально приемлемом и «продуктивном» неравенстве.

В 1980–1990-е гг. пришедшие к власти в США и Великобритании неолибералы рассматривали бедность как неизбежный результат морального разложения (в частности распада семейных ценностей). Они добивались сокращения программ помощи социально слабым группам в развитых странах, избавления от людей, зависящих от социального обеспечения, и направления последних на рынок труда, чтобы они были вынуждены работать и «вести себя должным образом». Тем самым предполагалось, что освобожденный от социальных обязательств бизнес повысит естественную эффективность рыночной экономики, но признанные ученые доказали, что неконтролируемый рост неравенства как раз препятствует ускорению экономического роста [Mingione 1991, pp. 1–40; Кругман 2009; Колодко 2009, с. 275–340; Аганбегян 2017].

Об опасности, которую несет чрезмерное неравенство, с бесспорной определенностью выказался лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц в книге «Цена неравенства. Чем расслоение общества угрожает нашему будущему» [Стиглиц 2015]. Приведем сначала типичный пример материалов, на которых основывает свои выводы Дж. Стиглиц. Семья миллиардеров Уолтов – шестеро наследников империи *Wall-Mart* – имеют в своем распоряжении примерно 69,7 млрд долл., что эквивалентно доходу 30% представителей беднейших слоев населения США. Его итоговое суждение согласуется с мнением *Economist*: «Неравенство достигло той стадии, на которой оно перестало быть эффективным, но превратилось в серьезную помеху для развития» [Стиглиц 2015, с. 13]. Далее он подчеркивает, что «в обществах с подобными (высокими) показателями неравенства не может быть эффективного функционирования систем, а экономика не может иметь ни стабильного, ни устойчивого характера в долгосрочной перспективе. Когда в обществе та или иная группа по интересам сосредотачивает в своих руках слишком много сил, действия этого общества направлены на обслуживание таких групп и лояльность к ним, вместо лояльности ко всему обществу в целом» (цит. по [Бовт 2017]).

Социальные государства, возникшие в развитых странах во второй половине XX в., попытались остановить тренд к росту социального неравенства, чреватый увеличением рисков социальных конфликтов и утратой демократии. Однако вскоре этот процесс был подорван не столько идеологией неолиберализма, сколько кардинальным изменением экономической системы, когда глобализация экономики существенно пошатнула основы социального государства. Неолибералы лишь приняли этот факт как закономерную и даже желательную неизбежность. Социальные государства попали в сложную ситуацию: чем больше они борются

за социальную справедливость и равенство, тем сильнее происходит отток капитала в государства, не слишком озабоченные этими принципами. Низкая стоимость рабочей силы и незначительный уровень налогообложения превратились в важные факторы регулирования глобальных потоков капитала².

Новые тенденции в мировом социально-экономическом развитии заставляют задуматься о том, какие обстоятельства предопределяли неравенство в разные исторические промежутки. В литературе высказывается точка зрения о том, что эти факторы были обусловлены характером ресурсов, которые имели доминирующее значение в ту или иную историческую эпоху. В Новое и Новейшее время решающее значение в социальной поляризации при складывавшемся и сложившемся капиталистическом строе приобрело владение капиталом (ставшим основным элементом общественного богатства). Однако категория «поляризация» без конкретизации скрадывает смысл реальной проблемы. Поляризация в распределении капитала – это проблема соотношения малого, среднего и крупного бизнеса, и она, скорее, экономическая, чем социальная. В то же время поляризация в сфере потребления отражает совершенно иной срез социальной реальности, на одном полюсе которой находится слой бедных, на другом – сверхбогатых.

В современную же эпоху, носящей разные названия – постиндустриальной, информационной, постмодернистской – новый фактор неравенства стал заключаться в самих людях и их потенциале, а именно в способности усваивать информацию и применять полученные навыки и умения в своей деятельности. Этот ресурс, определяющий новый тип отношений неравенства, именуется интеллектуальным капиталом. В социологических и прогностических работах 1970–1980-х гг. доминировали утверждения, что информация есть наиболее демократичный источник власти, что при общей доступности образования у членов общества появляются и одинаковые шансы, и относительное равенство по социальному положению в обществе вне зависимости от наличия первоначального капитала. Однако в то время не было еще осознано, что всеобщая доступность информации не является синонимом обладания ею.

Резкое увеличение числа получающих высшее образование, особенно в странах Запада и Японии (с 10–15% до 60–80% за последние 50–60 лет) сопровождалось существенной дифференциацией в качестве самого высшего образования. Постоянно возрастал вклад семьи с ее не только материальными, но и культурными ресурсами (культурный капитал) в социальное и культурное воспроизводство продвинутых социальных слоев, в культивировании новой элиты, где физический и интеллектуальный капиталы пошли рука об руку, и первым это уловил и раскрыл Пьер Бурдьё [*Bourdieu, Passeron 1977*]. На смену формальному неравенству в доступе к полному среднему и высшему образованию пришло более тонкое и гибкое фактическое неравенство в качестве образования и в объеме реального интеллектуального капитала, когда все механизмы селекции были направлены на отбор в элитарные университеты наиболее подготовленных молодых людей, и практически нигде критерием не служила знатность или богатство семьи абитуриента. Однако сама степень подготовленности молодежи все более дифференцируется при формально равных показателях числа лет обучения и даже показателях успешности занятий в школах.

² Феномен Д. Трампа ярко отразил процесс осознания частью правящей элиты США при поддержке промышленного рабочего класса этого опасного парадокса.

Насколько важна эта тенденция с позиции социального неравенства, становится очевидным из того, что, например, в США с середины 1980-х гг. устойчивый рост доходов прослеживался только у высокообразованной части населения: так, к концу 1990-х гг. 96% ее наиболее обеспеченных граждан имели высшее образование. Важно то, что впервые в истории неравенство порождалось личными качествами и личными успехами людей, поэтому обществу трудно воспринять его как несправедливое. Но это информационное неравенство как раз и определяет драматичный раскол между «золотым миллиардом» и остальным человечеством и обостряющиеся противоречия внутри самого «золотого миллиарда» [Иноземцев 2003; Кругман 2009, с. 134, 137, 140–141, XVII; Валлерстайн 2003; Россия и страны–члены Европейского союза 2003; Мир в цифрах 2007].

Еще один показатель новых тенденций выражает динамику межстранового неравенства. Если в начале XIX в. средние доходы в расчете на душу населения в развитом мире превосходили в 1,5–3 раза показатели стран, которые сейчас именуются развивающимися, то в середине XX в. этот разрыв вырос в 7–9 раз; существующий же ныне (т.е. в начале XXI в.) – в 50–75 раз [Иноземцев 2003; Россия и страны–члены Европейского Союза 2003; Мир в цифрах 2007]. К исходу XX в. богатейшие 50 млн чел. (менее 1% населения Земли) получали такой же доход, как и беднейшие 2,7 млрд (более 50% населения Земли). При этом 25 млн богатейших американцев (менее 10% населения США) имели доход, превышающий доходы 2 млрд беднейших граждан мира, т.е. 40% мирового населения [Бузгалин 2007, с. 193].

Третьим показателем, сигнализирующим о новом этапе развития глобальных социально-экономических отношений, являются тенденции ослабления позиции среднего класса, усиления неустойчивости его нижних слоев и определенной части высшего слоя на соответствующих сегментах глобализирующегося рынка труда. С одной стороны, возрастают социальный статус и доля в национальных богатствах соответствующих стран чрезвычайно узкого, можно сказать, элитарного, слоя высококвалифицированных работников. Это специалисты, занятые в сферах *soft-tech* и *high-tech*, так называемые платиновые и золотые воротнички, для которых характерны высокие уровень и качество жизни, значимый престиж и т.д. С другой стороны, идет процесс нисхождения основных слоев среднего класса (традиционных белых воротничков), теряющих устойчивые позиции на своих сегментах рынка труда. Их удельный вес в национальном богатстве, ресурсная база для воспроизводства социального статуса и передачи накопленного социального капитала и высокого уровня человеческого капитала следующему поколению сжимаются. По существу, это проблема социального неравенства между представителями более высокого (информационного) и более низкого (индустриального) технологических укладов [Бузгалин 2007, с. 197].

Это естественное следствие депрофессионализации интеллектуального труда, который в процессе компьютеризации больше сводится к простейшим операциям по обслуживанию сложнейшей техники. На этом этапе более явным становится вытеснение в область простейшего труда в сфере услуг не только промышленных рабочих, но и дипломированных профессионалов. Отличное образование ни в коей мере уже не гарантирует защиту от самореализации в качестве продавца-консультанта и представителя офисного планктона.

Индивиды и социальная структура

И в эту непростую мозаику возрастающих противоречий и разломов, резко усиливающегося мирового неравенства встраивается ставшее модным у интеллектуалов социально-философское течение постмодернизма. В последние годы многие видные социологи Запада (З. Бауман, У. Бек, Д. Пакульски и другие) пришли к спорному выводу о том, что мы являемся свидетелями метаморфозы общества: в ходе происходящих изменений люди освобождаются от социальных форм индустриального общества, в частности, от деления на классы и слои, от традиционных семейных отношений и т.д.

Во всех богатых западных странах в процессе модернизации после Второй мировой войны совершился общественный сдвиг в сторону индивидуализации, но при сохранившемся в значительной мере неравенстве людей. Это, по мнению названных авторов, означает, что на фоне относительно высокого материального уровня жизни и развитой системы социальных гарантий индивиды освобождаются от классово окрашенных отношений и форм жизнеобеспечения в семье. Они начинают в большей мере зависеть от самих себя и своей индивидуальной судьбы на рынке труда с его рисками, шансами и противоречиями. Другими словами, с точки зрения постмодернистов, взаимосвязь между членством в группе и потреблением нельзя объяснить детерминирующим образом, поскольку индивидуумы ассоциируются с комплексной мозаикой статусных групп, например, религиозных, чат-групп в Интернете, социальных движений и т.д. Поэтому трудно понять, как они сочетаются и выборочно активизируются, чтобы появились и отразились индивидуальные вкусы и опыт. Стратификационную систему, по мнению таких неопозитивистов, как Д. Пакульски и М. Уотерс [*Pakulski, Waters 1996*], можно рассматривать как «причуды статуса», в которых тождества создаются так, как предпочитают люди, и их формы зависят от многообразия статусов. Таким образом, постмодернисты выступают в качестве скептиков в отношении сохранения классов или крупных социальных слоев, поскольку, по их мнению, классовый подход не отражает фрагментацию и изменчивость современного потребления³.

Несмотря на сильное влияние на профессиональную среду и несомненный и оправданный имидж блистательных интеллектуалов, по мнению специалистов по проблемам социального неравенства, ни один из постмодернистов не предложил и не в состоянии предложить сколь-либо «грандиозную теорию», способную заменить «дискредитировавший себя марксизм» или веберизм. Концепции высоких теоретиков постмодернизма в очень слабой степени подтверждаются жизненными фактами даже по отношению к самым развитым странам мира, тем более они никак не отражают реалий за пределами «золотого миллиарда».

При всех радикальных трансформациях социальной структуры неизменным остается факт разграничения социального пространства на позиции работодателей и наемных работников, который характеризует не уровень жизни, а неравенство экономической власти, реализуемой через рынок труда. В свою очередь, и наемные работники на рынке труда и в системе производства достаточно очевидно делятся на

³ Анализ позиции постмодернистов по вопросам социальной стратификации строится по следующим материалам: [*Grusky 2001; Бек 2000; Бауман 2002; Pakulski, Waters 1996*].

тех, кто занимает позиции, обеспечивающие им эффективное участие в распределении процентов на капитал (в данном случае уже культурный), и тех, чья заработная плата строго следует динамике стоимости рабочей силы на данном рынке труда.

В 1997 г., оппонируя концепциям смерти социального класса, Г. Маршалл, профессор Оксфордского университета, отмечал, что в настоящее время классовый анализ, вероятно, более жизнеспособен, чем когда-либо в его долгой социологической истории. Социальный класс столь же важен для понимания индустриальных обществ конца XX в., как он был действительно необходим для анализа обществ начала XX в. по важнейшим характеристикам обществ-двойников. Другое дело, что макроструктурные классовые разделения конкретизируются в социальных ресурсах и жизненных шансах, вытекающих из исторически складывающихся специфических гражданских, рыночных и трудовых ситуаций, в которые включаются индивиды. В современном мире жизненные шансы людей все больше зависят от ресурсов образования, культурного и социального капиталов [Marshall 1997].

В начале XXI в. на страницах ведущих западных журналов прошли серьезные дискуссии по проблемам социального неравенства в современном мире. В них приняли участие такие авторитетные представители различных научных и идейных направлений, как Дж. Голдторп, Э. Соренсен, Э.О. Райт, Д. Грусски, Д. Скотт и другие. Их теоретические конструкты, подтвержденные многолетними исследованиями, как в собственных странах, так и в сравнительных международных исследованиях оказались гораздо ближе к жизненным реалиям современного мира. В любом случае все диспутанты признали необходимость изучения реальных социальных неравенств на основе выявления реальных групп в современном обществе в качестве обладателей определенных реальных ресурсов (благ).

Перечень этих благ, на основе которых складывается и воспроизводится неравенство, практически неизменен. Он включает в себя экономические ресурсы (владение землей, предприятиями, рабочей силой и т.д.), политические (власть в обществе, на рабочем месте и т.д.), социальные (доступ к высокостатусным социальным сетям, социальным связям, ассоциациям и клубам), престижные (хорошая репутация, слава, уважение и унижение, этническая и религиозная чистота), человеческие (человеческий капитал – мастерство, компетенции, обучение на работе, опыт, формальное образование, знание), культурные ресурсы (культурный капитал – практика потребления, присущая людям с высоким общественным положением, хорошие манеры, привилегированный образ жизни). Как утверждает Д. Грусски (и мы с ним согласны), перечисленные блага, ресурсы исчерпывают все основные существующие варианты («сырье») для построения стратификационных систем [Grusky 2001]. Спор в этой профессиональной среде касается соотношения традиционных классовых исследований (как в неомарксистской, так и в неовеберианской интерпретации) и предложенной современными американскими авторами (Д. Грусски и др.) модели социальных классов как профессий (*occupations*), выступающих фундаментальными единицами эксплуатации. Авторы этой модели утверждают, что являются последователями Э. Дюркгейма, который предсказал, что профессиональные ассоциации постепенно станут звеном между государством и индивидом. По их мнению, когда марксистские идеи перестали быть популярными, ученые начали переходить к разным версиям веберианства и постмодернизма, т.е. к подходам, ни один из которых не уделял должного внимания структурированию общества на основе профессий (*occupations*) [Sorensen 2000, pp. 1523–1558;

Wright 2000, pp. 1559–1571; *Goldthorpe* 2000, pp. 1572–1582; *Rueschemeyer, Mahoney* 2000, pp. 1583–1591; *Grusky, Weeden* 2001, pp. 203–218; *Scott* 2002, pp. 23–36; *Goldthorpe* 2002, pp. 211–216; *Grusky, Weeden* 2002, pp. 229–236; *Morgan, Grusky, Fields* 2006; *Chan, Goldthorpe* 2007, pp. 512–532]. Однако подмена классового анализа, в центре которого стоят отношения работодателя (собственника рабочих мест) и наемных работников, анализом профессиональной структуры фактически означает отказ от сути первого при сохранении присущей ему терминологии. Профессии порождены технологической дифференциацией производства, а классы – продукт дифференциации социально-экономической.

Общее мнение европейских социологов сводится к тому, что разделение на классы – это не произвольное агрегирование профессий или индивидов, оно имеет прочный концептуальный фундамент. В развитых странах, о которых в данном случае идет речь, виды и роды занятий связаны с институциональной системой общества и социальной закрепленностью ценностей и норм, передающихся от поколения к поколению. Выделенные соответствующим образом классы реальны и выступают в качестве фундаментальных единиц эксплуатации, что, в свою очередь, в значительной степени сказывается на характере неравенства в доходах, характере распределения собственности и различиях в жизненных шансах. Таким образом, выделение («конструирование») классов имеет прочный концептуальный фундамент; классификация охватывает то, что, как и предполагается в теории, должна охватывать. Эта точка зрения была ясно выражена В.И. Ильиным, который также утверждает, что классы присущи исключительно капиталистическим системам. Классовая структура суть отображение распределения власти в соответствии с логикой рынков труда и капитала. Формирование классов является неотъемлемой частью более широкого процесса перехода (возврата) к капитализму [*Ильин* 2008].

Мы придерживаемся традиционной позиции, согласно которой индивиды рассматриваются либо как элементы социальной системы (структуры), и их действия в решающей степени детерминированы местом в системе социоэкономических отношений, либо как элементы культурной системы, и их действия определяются нормами и правилами, сложившимися в данной культуре (например, в «культуре бедности» или в «культуре среднего класса»). При этом индивидуальное действие выступает как результат социальных переменных, а не личностных качеств, и наш анализ социального неравенства строится на этих основополагающих принципах. Что касается учета специфических черт отечественной действительности, предопределяющих отбор индикаторов для анализа неравенства, то здесь в основу была положена концепция, согласно которой в современной России сформировался своеобразный тип социальной стратификации в виде переплетения сословной иерархии и элементов классовой дифференциации, устойчиво воспроизводящийся в течение последних лет.

Динамика уровня жизни

Складывающееся (пожалуй, уже сложившееся) российское общество характеризуется невиданным в мире индустриальных стран разрывом между бедностью и богатством. В 1990-е гг. резко усилилось имущественное расслоение населения,

появились многочисленные слои так называемых новых бедных, работающих бедных [Радаев 2000]. По данным академика Д.С. Львова, реальная среднемесячная зарплата работника (в ценах 1991 г.) за период 1991–1998 гг. снизилась с 583 до 198 руб., т.е. почти в 3 раза [Климантова, Мухетдинова 2001, стр. 23], а по оценке специалистов Мирового банка, между 1988–1989 и 1992–1993 гг. число бедных в России выросло с 2,2 до 74 млн чел. [Григорьев, Павлюшина 2017, с. 62].

Только с 1999 г. начался рост заработной платы, и лишь к концу 2005 г. реальная заработная плата достигла уровня дореформенного 1990 г. – 100,3% (подсчитано по [Российский статистический ежегодник 2006, с. 171]). В 2006 г. реальная заработная плата поднялась на 13,3%, в 2007 г. – еще на 17,2%, в 2008 г. – на 11,5% [Российский статистический ежегодник 2009, с. 167; расчет автора], тем самым дореформенный уровень был ощутимо превышен на уровне средних показателей. Этот рост сменился снижением в ходе экономического кризиса 2008–2009 гг., но после отмеченного спада увеличение номинальной заработной платы все же продолжилось: в 2014 г. душевые реальные доходы населения по отношению к 1999 г. выросли в 3 раза. Однако следует принять во внимание не обсуждающиеся в статье данные о возросшей дифференциации заработной платы, в частности такого показателя, как медиана месячной заработной платы, как, впрочем, и медианный реальный доход, снижавшийся начиная с 2014 г.

Ускоренные темпы роста зарплаты в 2000–2007 и 2010–2013 гг. наблюдались даже не столько в нефтяной промышленности, дававшей стране огромную часть прироста ВВП и сверхдоходов от природных ресурсов, сколько в финансовой сфере, сфере услуг и операциях с недвижимостью. Так, в 2006 г. наибольшие значения коэффициента фондов были характерны для оптовой и розничной торговли (33 раза), финансовой деятельности (32 раза). Для сравнения: в отраслях с относительно низким уровнем неравенства в 2006 г. коэффициент фондов составлял 11,5 раза в распределении электроэнергии, газа и воды, 14,5 раза – в транспорте, 15 раз – в здравоохранении и 16 раз – в образовании [Иванов, Суворов 2006, с. 136].

Дифференциация в оплате связана с различиями в количестве и качестве труда и условиях работы только у занятых на предприятиях, относящихся к одному сектору экономики, т.е. различия в уровне заработной платы обусловлены в первую очередь структурной составляющей экономики, при этом уровень человеческого капитала играет второстепенную роль. В развитых странах в среднем чем значительнее человеческий капитал, тем больше получает его носитель. В российских же условиях равный по величине человеческий капитал может совмещаться как с высоким, так и с низким доходом, т.е. связь между доходом и уровнем человеческого капитала неоднозначна. Уборщица в банке как и в 1990-е гг., так и сейчас получает заработную плату выше профессорской. Нищенская оплата труда, несмотря на определенный рост в 1999–2008 гг., сохраняется и у школьных учителей, врачей, инженеров и научных работников. Если принять среднюю заработную плату за 100%, то в 2007 г. она составляла в образовании 65% (против 56% в 2000 г.), в сфере финансов – 257%, в сельском хозяйстве – 45%; у занятых добычей полезных ископаемых – 209%; у работников обрабатывающих производств – 97% [Григорьев, Плаксин, Салихов 2008, с. 31].

В апреле 2011 г. после публичного выступления доктора Л.М. Рошаля тысячи врачей, медсестер и их коллег обратились к Интернету, поскольку не смогли иным способом довести до общественности информацию о своем труднейшем положении.

Вот некоторые цитаты из медицинских Интернет-форумов, обобщенные публицистом С. Белковским: «Зарплата хирурга – 5350 р. в месяц, зарплата уборщицы в офисе через дорогу от больницы – 6000 р. Зарплата санитарки – 1600 р. Кто же идет работать на такую зарплату? Сумасшедшие? Святые?», «<...> врач, детский невропатолог высшей категории, – сумма к перечислению: 4331,58; анестезиолог-реаниматолог, первая категория, полставки – 3260,42» [Белковский 2011].

Следует также учесть данные о многократно увеличившихся затратах нижних и средних слоев на оплату услуг ЖКХ, учреждений здравоохранения и образования. Так, по данным Росстата, в 1994 г. расходы населения на медицинские услуги и лекарства составляли 3 млрд руб., затраты государства – 24 млрд руб. В 2007 г. расходы россиян (в рублях 1994 г.) выросли до 16 млрд руб., а расходы государства после многих лет спада, сократившись до 16–19 млрд руб., наконец превысили уровень 1994 г. (года предельного сжатия госбюджета) на несколько процентов (26 млрд руб.) [Российский статистический ежегодник 1994; Российский статистический ежегодник 2007].

В начале 2000-х суммарный объем заработной платы по-прежнему составляет около 30% ВВП, тогда как в развитых капиталистических странах он достигает не менее 60% ВВП [Львов, Овсиенко 2000, с. 111]. На один доллар заработной платы российский работник производит 4,6 долл. продукции, а американский – 1,7 долл. [Львов 2004, с. 29–31]. Академик Р.И. Нигматулин, независимый эксперт в обсуждаемом вопросе, отмечает: «Экономия на оплате труда, в отличие от современного Китая и СССР 1930–1950-х гг., используется в современной России не для инвестиций, а “проматывается на роскошь и вывозится за границу”. <...> Пора понять экономическую необходимость цивилизованного “передела” доходов (не собственности, а доходов) в пользу основной части населения с целью сбалансированности экономики, чтобы избыточные траты на роскошь обратить на развитие производства через покупательский спрос». С этой целью он предлагает резко повысить минимальную заработную плату до уровня стоимости 300–400 кг хлеба и перейти к прогрессивному налогообложению доходов [Нигматулин 2005].

Основным показателем оценки благосостояния населения является уровень реальных средних душевых доходов. В марте 1992 г. по отношению к декабрю 1991 г. они составляли 28%; в ноябре 1994 г. выросли на 58% и достигли 44% к уровню декабря 1991 г. Удивительна последующая динамика. За экономически благополучные последующие три года к ноябрю 1997 г. этот показатель спустился еще ниже: уровень доходов упал по сравнению с ноябрем 1994 г. на 10,8% и составил всего лишь 40% от уровня 1991 г. В ноябре 1998 г. уровень реальных доходов опустился до 81,5% к уровню ноября 1997 г., а в июле 1999 г. – 72,7% к предыдущему году. В 2000 г. доходы выросли на 9,1%, что не вернуло их даже к уровню 1997 г. и не довело до половины доходов 1991 г. (47,8%) [Обзор экономики России 2000; Суринов 2003; Кастельс, Киселева 2001]. В нулевые годы доходы продолжали непрерывно расти. Уровень доходов за 2005 г. составил 93,4% от показателей 1990 г. [Российский статистический ежегодник 2006, с. 170]. Реальные доходы в 2006 г. по отношению к предыдущему году увеличились на 9,9%, в 2007 г. – на 12,0%, в 2008 г. – еще на 9,6%. Таким образом, в итоге реальные душевые доходы в 2008 г. превзошли, наконец, уровень 1990 г. на 29,9% [Российский статистический ежегодник 2009, с. 167; расчет автора]. Тем не менее и в сентябре 2007 г. до 20% россиян имели доходы ниже прожиточного минимума. Отметим, что и рас-

пределение прироста доходов носило несправедливый характер: например, более 1/3 прибавок к зарплате в 2006 г. досталось 10% наиболее оплачиваемых работников и только 1,5% – 10% низкооплачиваемых [Итоги 2006 года 2007, с. 5]. Необходимо заметить, что рассматриваемая динамика доходов складывалась благоприятно для населения в период борьбы парламента с исполнительной властью (1992–1994 гг.) и приобрела позитивный характер после стабилизации президентского режима при В.В. Путине.

По заниженным данным Росстата, в 2016 г. соотношение доходов 10% самых благополучных россиян к доходам 10% самых бедных членов общества составило 17 раз против 13–14 раз в предыдущие годы [Бобылев, Григорьев 2016]. По данным других независимых исследований, в столице эта разница намного выше: заработная плата 10% наиболее обеспеченных превышает зарплату малоимущих в Москве почти в 35 раз [Разрыв в доходах москвичей 2015]. В европейских странах этот показатель колеблется между 1:4 и 1:8, в Японии – 1:5, даже в США – 1:10 [Кричевский 2008; Гонтмахер 2008; Аганбегян 2017]. Основным измерителем неравенства в распределении доходов в обществе коэффициент Джини, по официальным данным Росстата, в 1990 г. составлявший 0,26, уже в 1995 г. поднялся до 0,38, а с 2006 г. по 2015 г. закрепился на уровне 0,42 [Бобылев, Григорьев 2016, с. 117]. Другими словами, даже по росстатовским заниженным данным, за последние 25 лет в России произошла чрезвычайная концентрация доходов, и коэффициент Джини почти удвоился. За это время реальные доходы возросли в среднем примерно в 1,7 раза, однако такой рост (и выше) коснулся только 23% населения. Доходы 10% наиболее обеспеченных росли в 6 раз быстрее, чем медианный доход, а у 13% он снизился и в настоящее время стал даже ниже, чем в 1989 г. [Кувшинова (1) 2016].

По мнению компетентных авторов, «такая сильная поляризация за такое короткое время редко встречается в истории. Этот феномен недвусмыслен и известен всем» [Самсон, Красильникова 2010, с. 72]. Как выяснил Европейский банк реконструкции и развития, в России произошел максимальный разрыв по доходам среди бывших социалистических стран. Известный российский экономист Н.А. Кричевский имел все основания, чтобы сделать следующие выводы: «<...> все последние четверть века у нас выстраивалась не модель экономики нации, направленная на повышение уровня и качества жизни социума в целом, а модель экономики кармана, неважно, личного или корпоративного, во главе угла которой – поощрение исключительно крупных предприятий и компаний к получению все новых и новых доходов». Развивая свои соображения, тот же автор отмечал, что людей злят не столько громадные состояния наших олигархов, сколько неравенство доходов и возможностей [Кричевский 2017].

По отношению доходов 20% самых богатых к доходам 20% самых бедных Россия находится на 78-м месте из 142 стран, по которым у экспертов ООН имеются данные за 2005–2013 гг. Показатель России – 7,3 (разница между верхней и нижней планками)⁴, при этом показатели неизмеримо более благополучных стран выглядят совсем иначе: в Швеции этот показатель равен 3,7, в Финляндии – 4, в Австрии – 4,6, во Франции – 5,1 [Миронов 2016]. Итог таков: согласно данным Росстата РФ, за чертой бедности (т.е. с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума) в 1992 г. находились 49,7 млн чел. (т.е. 33,5% от общей

⁴ «Соседи» России – Марокко, Иран, Камерун.

численности россиян), в 1998 г. – 34 млн чел. (23,3%), в 1999 г. вследствие дефолта в этом положении оказались 41,2 млн чел. (28,3%), затем наступило ежегодное снижение и численности, и доли живущих за чертой бедности, в 2003 г. их осталось 29 млн (20,4% от общего числа россиян) [Россия в цифрах 2004, с. 99], а в 2007 г. доля бедных (по официальным данным, с доходом ниже 3,7 тыс. руб.) сократилась до 16,3% [Николаева, Шишкин 2007]. В последующие годы в связи с кризисом доля бедных, достигшая минимума в 2013 г. (11%, в абсолютном показателе – 15,7 млн чел.), в 2016 г. поднялась до 14,6%, что в абсолютном показателе составило 21,4 млн чел. [Кувшинова (2) 2016].

Мера сопоставимости и надежности приведенных выше официальных данных заслуживает обсуждения. Согласно методике Росстата, черта бедности устанавливается на основе величины прожиточного минимума, который измеряется на основе стоимости минимальной потребительской корзины, но за исследуемый период (1991–2007 гг.) она неоднократно менялась. Установленный в 1990 г. еще союзным правительством размер корзины прожиточного минимума, как и в других цивилизованных странах, давал семьям возможность выживать и включал расходы на культурные нужды. При таком расчете прожиточного минимума в том же 1990 г. за чертой бедности оказалось 28% населения. После либерализации цен в 1992 г. ниже черты бедности (при сохранении предреформенной минимальной потребительской корзины) оказались 75% граждан. Тогда появилась идея из этой огромной массы бедных выделить самых обездоленных и на них направить социальную помощь. Правительство Б.Н. Ельцина в ноябре 1992 г. «сжало» эту корзину в 2 раза, и на какое-то время бедных стало (по статистике) намного меньше, но с ростом бедности в ходе шоковых реформ процент живущих ниже порога немыслимого по жалкому размеру прожиточного минимума был значительно превышен.

Второй раз изменения были произведены в апреле 2000 г., когда в новом прожиточном минимуме несколько увеличились расходы на непродовольственные товары и услуги. В результате величина прожиточного минимума по сравнению со стоимостью потребительской корзины 1992 г. возросла на 15–20% в ценах 2000 г. [Овчарова, Попова 2001, с. 16–20]. Тем не менее и в этом исчислении величина официально установленного прожиточного минимума была явно занижена: так, в 2003 г. прожиточный минимум для трудоспособного населения составлял 2 304 руб., для пенсионеров – 1 605 руб., для детей – 2 090 руб. [Справка о величине прожиточного минимума 2003]. Его размер в натуральном исчислении выглядел следующим образом: минимальная потребительская корзина, действовавшая вплоть до конца 2005 г., включала в среднем на одного человека в год (по трудоспособному населению): хлебных продуктов – 152,0 кг, картофеля – 123,6 кг, овощей – 89,4 кг, фруктов – 16,4 кг, сахара – 20,3 кг, мяса и мясопродуктов – 31,5 кг, рыбных продуктов – 13,7 кг, молока и молокопродуктов – 210,7 кг, яиц – 166 шт., масла растительного и других жиров – 12,0 кг. Нормативы по пенсионерам выглядели гораздо скромнее: мяса – 22,2 кг, яиц – 90 шт. и т.д. Обескураживающе смотрелись минимальные наборы одежды и обуви, постельного белья, товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения [Из чего состоит потребительская корзина 2005].

В 2005 г. Министерство здравоохранения и социального развития РФ произвело коррекции в сторону некоторого увеличения содержания потребительской корзины. Особое внимание было уделено повышению качества питания: так, потребление мясопродуктов трудоспособными гражданами было увеличено

до 37,2 кг в год, а пенсионерами – до 31,5 кг [Овчарова, Бирюкова, Попова, Варданян 2014, с. 33]. Впрочем, и эти нормативы были примерно в 2 раза ниже биологической нормы потребления, состав же непродовольственных товаров остался неизменным. Иначе и быть не могло, так как прожиточный минимум был повышен всего лишь на 84 руб., с того времени до 2016 г. он не менялся.

В 2017 г. правительство озаботилось повышением минимального размера оплаты труда (МРОТ) до уровня прожиточного минимума (на тот момент разница между этими величинами составляла примерно 3 тыс. руб.). Между тем, несмотря на то, что в российском законодательстве, включая Трудовой кодекс, зафиксировано, что МРОТ не может быть ниже прожиточного минимума, в начале 2017 г. МРОТ составил лишь 72% от прожиточного уровня [Дружинин 2017]. Очевидно, что низкий уровень самого прожиточного минимума не даст возможности решить проблему бедности в стране, но позволит несколько смягчить положение наиболее обездоленных групп россиян.

Если вернуться к оценке уровня бедности по дореформенному прожиточному уровню 1990 г., то доля бедных подскочит до 30%. «Примерно столько россиян ограничивает себя в элементарных продуктах питания и буквально считает каждый рубль. Причем почти половина из них работает! Врачи, учителя (далеко не везде им щедро доплачивают губернаторы), и в сельском хозяйстве иногда получают копейки, и на предприятиях малорентабельных – средняя зарплата в текстильной промышленности, например, чуть выше 5 тысяч рублей...» [Гонтмахер 2008]. Заметим, что и по опросу 2010 г., проведенному по программе профессора Н.И. Лапина (очередная волна Всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России»), бедных оказалось примерно те же 30% [Друзе 2011].

Профессор Н.А. Кричевский напоминает, что в Европе бедным считается тот, кто получает меньше 60% среднегодового дохода в своей стране. Если же измерять бедность в России таким же образом, то в 2007 г. после 8 лет довольно быстрого роста средних заработных плат и доходов число бедных в стране составило 39,7% всего населения, или более 56 млн чел. И это вполне естественно, поскольку за эти же годы 60% общего прироста доходов пришлось на 20% самых обеспеченных россиян и лишь 3% – на 10% самых бедных [Кричевский 2008, с. 4]. По иной методике (ОЭСР) к бедным относятся те, у кого доход меньше медианного уровня по стране, и при таком расчете (он представляется автору наиболее надежным) к ноябрю 2016 г. бедных в стране было более 30 млн чел.

По данным РАНХиГС, в 2016 г. свое материальное положение как «плохое» или «очень плохое» оценивали 26% пенсионеров, 24% людей без образования и 22% жителей села; трудности с приобретением продуктов питания и одежды испытывали 54, 46 и 45% соответственно. К ноябрю 2016 г. доля населения, неспособного оплатить услуги ЖКХ, достигла 27%, а неспособных приобрести медикаменты – 17% [Шапошников 2017]. По данным летнего опроса 2017 г., проведенного ВЦИОМ, низкий заработок остается самой волнующей россиян проблемой, пустующие кошельки тревожат почти четверть опрошенных [ВЦИОМ назвал три главные проблемы 2017].

Важным фактором, задающим уровень бедности в стране, является соотношение государственных расходов к ВВП. На роль этого показателя обращают особое внимание Р.С. Гринберг и А.Я. Рубинштейн. Они отмечают, что «в успешных странах – лидерах по сформированному в ООН индексу человеческого развития –

этот показатель составляет ныне 47–50% и выше, что однозначно указывает на действие в этих странах мощных перераспределительных процессов и во многом объясняет тот факт, что средний класс здесь составляет более двух третей населения. В России же показатель государственной квоты фиксируется на уровне 35–37%, что, казалось бы, должно свидетельствовать о нашем преимуществе с точки зрения реализации принципов экономической свободы. На самом деле все наоборот. Государство привыкло вмешиваться туда, куда не надо» [Гринберг, Рубинштейн 2016].

А вот суждение такого благожелательного наблюдателя, выдающегося британского историка, члена Королевской академии, Эрика Хобсбаума: «В отношении краткосрочной перспективы нам не от чего быть пессимистами. <...> Люди стали жить дольше. Они более здоровы и лучше развиты физически. Они богаче. Их жизненные перспективы более разнообразны. Конечно, есть страны и регионы, к которым это не относится, – например, Африка или, к моему сожалению, Россия. На мой взгляд, лишь одна из трагедий, пережитых вашей страной, получила должную оценку в мире; масштаб же посткоммунистической катастрофы не понят за пределами России» (выделено мной – О.Ш.) [Хобсбаум 2004, с. 13].

На вершине власти и собственности

Явления и процессы, рассмотренные выше, не могут быть лишь следствием низкого уровня развития экономики. В России произошло огромное сжатие затрат на поддержание «дружественных» режимов за рубежом, субвенций бывшим союзным республикам и т.д., т.е. большей части расходов прежних времен. Добавим к этому огромные доходы государства с конца 1990-х гг. от резко возросшей цены на энергоресурсы. Почему же столь жалкими выглядят затратные статьи федерального и региональных бюджетов на социальные цели, почему так медленно преодолелся спад уровня жизни большинства населения в 1990–2000-е гг.?

Социальная политика, как и вся система общественных отношений, претерпела за годы российских реформ весьма значительные изменения. Завоевав массовую поддержку (прежде всего под лозунгами борьбы с привилегиями, большей социальной справедливости, индивидуальных свобод и равенства возможностей для всех), пришедшая к власти неонomenclатура вынуждена была сначала скрывать реальную направленность своей политики под маской «социального государства» (именно так охарактеризовано российское государство в Конституции РФ). Однако для большинства представителей правящих кругов истинный характер нового российского государства изначально не являлся тайной: для них реформы означали лишь возможность сбросить с себя ярмо обязанности заботиться о народе в условиях резко возросших собственных appetitов и новых стандартов жизни, с одной стороны, и колебания доходов от экспорта природных ресурсов в условиях неустойчивости цен на эти ресурсы на мировых рынках, с другой. И хотя попытки отказаться от идеи «социального государства» из-за недостаточности экономических ресурсов на уровне лиц «второго эшелона» предпринимались постоянно, ни одна сколько-нибудь заметная политическая фигура или партия до 2018 г. на это не решались.

Известный экономист и политолог В.Л. Иноземцев отмечает, что Россией правит не лидер, а сплоченная номенклатурная группа, в которой не видно людей, отличающихся талантами. Эта группа не обнаруживает способности к «выбраковке» своих членов в случае их профессиональной непригодности: «<...> каждый из бюрократов понимает, что занял свое место не по меритократическому принципу, а в общем-то случайно. <...> Современная российская элита представляет собой сплоченную серую массу, которая рекрутирует новых членов по принципу ментального и интеллектуального сходства с нею самой» [Иноземцев 2007, с. 41–43].

Состав правящей элиты России предопределен характером экономики: экспортный оборот страны на 85% сформирован за счет продажи нефти, газа и других полезных ископаемых, а доля продукции обрабатывающей промышленности в экспорте – лишь 12,5%. Соответственно, правящий слой формируют те, кто контролирует экспорт минерального сырья, прежде всего газа и нефти, алмазов, металла, леса. Эти владельцы и экспортеры отечественных сырьевых ресурсов относятся к разряду «компрадоров-буржуа», т.е. предпринимателей, чье благополучие зависит не от внутренних, а от внешних экономических и политических факторов.

В результате на сегодняшний день в России сложилась парадоксальная ситуация. Формально в стране действительно существуют разнообразные системы социальных льгот и выплат, охватывающие в общей сложности больше половины населения; формально, на уровне конституционных гарантий, продолжают сохраняться и право на труд, и пенсионное обеспечение, и бесплатность образования, здравоохранения, предоставления жилья. Однако при этом нарушение прав на труд и получение оплаты за него затрагивают более четверти экономически активного населения; также крайне медленно сокращается доля живущих в нищете россиян; значительная часть молодежи оказывается не только необразованной, но и неграмотной; гарантированность бесплатной медицинской помощи оборачивается подчас необходимостью годами ждать очереди на бесплатную операцию; значительное по объему жилищное строительство почти не сказывается на улучшении положения социальных низов. И все это происходит на фоне демонстративного «швыряния деньгами» не только и не столько новыми богатыми представителями бизнеса, сколько многими как крупными, так и рядовыми государственными чиновниками, особенно топ-менеджерами госкорпораций.

Можно ли в этих условиях считать, что Россия является социальным государством, где причиной недостаточной социальной защищенности социальных низов выступает элементарная нехватка денег? Разумеется, нет. Как показали проведенные нами исследования, основной причиной того, что Россия может считаться социальным государством лишь формально, выступает имманентное противоречие между декларируемыми и реальными целями социальной политики. И если ориентироваться не на официально провозглашенные, а на ее реальные цели, то эта политика, хотя и не имеет никакого отношения к социальному государству, все же весьма эффективна. Принимая во внимание, что это ключевой вопрос для понимания всей проблематики социальной ситуации в России, поясним, что мы имеем в виду: для современных политических верхов России социальная политика нужна лишь постольку, поскольку граждане, которым она адресована, не должны мешать реализации собственных планов и интересов политических и экономических верхов страны.

Начиная с ранних ельцинских времен лидеры правых заявляли, что они последовательно противостоят идее особой поддержки уязвимых слоев населения. Это не должно было входить, по их мнению, в число приоритетов государственной политики. Направленность социальной политики правящих кругов времен Б.Н. Ельцина блестяще раскрыта американским публицистом Полом Хлебниковым. Он напоминает, что в декабре 1992 г. «после очевидного провала гайдаровских реформ» было назначено новое правительство во главе с В.С. Черномырдиным. Журналист встретился с одним из ключевых специалистов «новой» команды Черномырдина профессором N. Американский публицист ожидал, что этот человек, бывалый и представляющий более консервативное крыло российского политического истеблишмента, решительно возьмется исправлять ошибки предшественников. Однако беседа повернулась совсем в другое русло. «“Чудес не бывает, – начал говорить он мне. – Эта страна должна выпить чашу до дна”. Речь шла о том, как за счет конфискационного характера инфляции установить в стране новое экономическое равновесие. “В ближайшем будущем – как минимум год – мы будем жить в условиях инфляции, и надо сосредоточиться на проблемах, которые инфляция поможет разрешить – установить более рациональные, новые отношения между ценами и доходами”. Другими словами, собеседник предлагал решительно снизить реальные доходы среднего российского гражданина; а инфляция тем временем уничтожит оставшиеся сбережения россиян как источник внутреннего капитала. Но если не будет серьезных инвестиций из-за рубежа, где же Россия возьмет капитал для подпитки экономики? “Есть только один способ – это затягивать пояса, <...> снижение жизненного уровня”».

Г.А. Явлинский, с которым П. Хлебников также встречался на протяжении 1990-х гг., говорил ему, что «в общем и целом <...> люди, правившие страной во времена Ельцина, были и бессердечными, и безжалостными». По мнению Г.А. Явлинского, эти люди считали, что «в России живут, как они называли, одни “совки”, и все, что в России существует, нужно уничтожить и потом вырастить новое. <...> Парадокс этого периода реформ заключался в том, что они чисто большевистскими методами проводили капиталистическое строительство».

П. Хлебников, проведший сотни интервью с представителями отечественной политической элиты и бизнеса, к сказанному выше добавляет: «У меня было такое же ощущение. Многие из ельцинского правительства говорили о своей стране с таким хладнокровием и отстраненностью, что можно было подумать: речь идет о чужом государстве» [*Хлебников* 2001, с. 102–103]. Это была стабильная политическая линия приватизировавшей страну постсоветской номенклатуры.

Принятый командой Б.Н. Ельцина курс внутренней политики означал подмену понятия «реформа» как условия успешного развития страны и роста благосостояния граждан простым переделом собственности при двукратном падении производства, нарастании нищеты и грандиозном вывозе капитала (вместо притока иностранных инвестиций). Социальная политика ельцинизма означала игнорирование интересов социальных низов и в то же время отсутствие поддержки социальных групп протосреднего класса (профессионалов, с одной стороны, малого и среднего предпринимательства, с другой). В итоге режим, оставшийся без массовой социальной поддержки, превратил власть в безопорную конструкцию, которая могла рухнуть от малейшего толчка, и осенний кризис 1998 г. продемонстрировал это с полной очевидностью.

Обсуждая вопрос о бедствующей части населения, российские неолiberaлы, как правило, сворачивали обсуждение в плоскость вероятности сохранения стабильности общества. Другими словами, выяснялся вопрос, не исчерпаны ли ресурсы народного терпения. Этот вопрос задается с начала реформ, и обычно власти получают от центров изучения общественного мнения ответ, что пока еще можно быть уверенным в стабильности и спокойствии. Такой критерий оценивания социальной составляющей государственной политики нам представляется глубоко ошибочным. Реформы обычно принимаются за константу, не подлежащую пересмотру, а население (что не равно обществу со сформированными дифференцированными интересами) рассматривается как объект (а не субъект) реформаторской деятельности.

На таких неолiberaльных принципах и по таким критериям развитие страны невозможно, апатия огромной части народа, деформация его сознания, превращение общества в послушную массу закрывают путь к инициативности основных социальных групп, к инновационной деятельности как органической предпосылке становления информационной экономики, как, впрочем, и для эффективного функционирования существующих предприятий.

Отвечая на извечный русский вопрос

Следует учесть мировой опыт, который показывает, что в периоды тяжелых депрессий рыночная экономика не в состоянии саморегулироваться. В этой связи необходимо помнить и о модели государственного регулирования экономики Ш. де Голля, об успешном применении в США после Великой депрессии 1929–1933 гг. теории государственного регулирования Дж.К. Кейнса, о современном опыте Бразилии и Китая. В России же под лозунгом «невидимой руки рынка» была предпринята попытка реставрации первой стадии капитализма.

Более того, даже в США, которые обычно приводятся нашими неолiberaлами как образец чисто рыночной экономики, по авторитетному свидетельству директора Института США и Канады РАН С.М. Рогова, большое внимание уделяется развитию человеческих ресурсов, доля расходов на которые в федеральном бюджете страны увеличилась с 4,3% ВВП в 1940 г. до 13% в 2005 г. Устойчивый рост наблюдается в области государственных расходов на социальное обеспечение, здравоохранение, образование. Именно эти статьи федерального бюджета относятся к защищенным и ежегодно автоматически индексируются [Рогов 2005, с. 53–55, 61]. Начиная с января 2009 г. правительство президента Б. Обамы резко увеличило расходы на здравоохранение, образование, науку, причем эта политика проводилась в сложнейших условиях всеобъемлющего экономического кризиса.

На данном этапе в России только государство может обеспечить общественно приемлемое распределение выгод от рыночной экономики, имея в виду сосредоточение средств как для модернизации страны, так и для решения социальных проблем. Для реализации ответственной функции социального государства для начала требуется реализовать закон о прожиточном минимуме, устраняющий обнищание значительной части населения; не допустить отставания размеров пенсий от темпов инфляции; значительно увеличить государственные ассигнования на нужды

образования, науки, здравоохранения; обеспечить государственное регулирование цен и качества медицинских услуг и лекарств. Между тем в правящих кругах после кризиса 2008–2009 гг. все чаще получают поддержку и распространение идеи о принадлежности страны к развивающимся странам и об ограниченности бюджета. Неразрывная связь наших олигархов, фактических собственников природных ресурсов страны, с властью порождает чудовищные идеи по превращению страны в сырьевой придаток и Запада, и Востока.

Действительно, для финансирования программ модернизации – и технологической, и социальной – в современном российском бюджете средств нет и быть не может. Куда же провалились и продолжают проваливаться огромные ресурсы страны, совсем не являющейся типичной развивающейся страной? По расчетам независимых экономистов, размер доходов федерального бюджета может быть без особых ухищрений по меньшей мере удвоен. Прежде всего, нужно принять минимальные меры по реальной борьбе с коррупцией: скажем, восстановить статью в УК о конфискации движимого и недвижимого имущества у коррупционеров. По информации в СМИ, стало известно, что при госзакупках в 2010 г. был украден 1 трлн руб., т.е. десятая часть госбюджета [Абрамов 2011].

От 4 до 6 трлн руб. можно получить при возвращении к прогрессивному налогообложению доходов. В 2008 г. 200 тыс. российских семей имели годовой доход свыше 30 млн руб. В Великобритании с них брали бы подоходный налог в 50% (в Швеции – 57%, в Дании – 65% и т.д.) [Абрамов 2011]. В России, ко всему прочему, подоходный налог дополнен регрессивной шкалой обязательных соцвзносов: чем беднее человек, тем больше у него забирают (порой до 39%). Богатые же вместо 39% могут платить 6%, оформив себя в качестве индивидуальных предпринимателей [Десягин 2016].

По характеру налоговой политики можно судить о подлинной направленности социальной политики. Выдающийся польский экономист Гж.В. Колодко писал по этому поводу: «К сожалению, до сих пор мы, часто находясь в пылу якобы научной дискуссии, по сути, погружены в идеологический спор или политический диспут вокруг противоположных интересов, только их содержание прикрито красноречивыми фразами о публично декларируемых целях».

Трудно найти более подходящий пример, чем псевдонаучные дебаты о так называемом линейном (плоском) налоге. По существу, речь идет о снижении налогов для узкой группы “благотворителей” путем перекладывания издержек на группы с низкими доходами (цель подлинная), а провозглашается (или в данном случае лгут, или кто-то только ошибается, так как по-прежнему не понимает, в чем дело) цель иная – создание лучших условий для формирования капитала и инвестирования (цель декларируемая)» [Колодко 2007, с. 49].

Конечно же, нужно резко повысить налог на дивиденды: в России он составляет невиданную в мире величину – 13% [Налогообложение дивидендов 2017]. Эти меры являются непременным условием уменьшения социальной дифференциации доходов и снижения социальной напряженности в обществе. В нашей стране дивиденды почти не облагаются налогами, поскольку значительная часть принадлежащих элите предприятий зарегистрирована за рубежом: российские крупные собственники хранят в них около 37% принадлежащих им активов, тогда как в США и Японии эта доля не превышает 2%, в Евросоюзе – 10%. При этом назад в Россию в виде инвестиций возвращается не более половины выведенных из нее средств.

Вице-президент Экспертно-аналитического центра по модернизации и технологическому развитию экономики М.Д. Абрамов пишет: «С офшорами надо бороться, начав с запрета пользования офшорными схемами хотя бы государственным предприятиям, за которыми сегодня числится половина собственности России и которые продают газ и нефть не напрямую, а через зарегистрированные в офшорах “Итеру”, “Гунвор” и др., пополняя ряды долларовых миллиардеров “Форбса”» [Абрамов 2011, с. 63]. Нельзя не согласиться с мнением тех экономистов, которые считают, что необходимо обязать предприятия с госучастием уплачивать в виде дивидендов не менее 50% чистой прибыли, а для государственных ростовщиков (банкиров) – и все 90%.

Необходимо ввести ощутимый налог на обладающую повышенной рыночной стоимостью недвижимость, находящуюся в личном владении. Опыт развитых стран убедительно показывает, что отлаженная система налогообложения (с учетом ренты) может предоставить государству огромные ресурсы для развития экономики и реализации социальных программ. Особенно большие резервы для пополнения государственного бюджета дадут изъятие в пользу общества доходов рентного характера от городских и пригородных земель в Москве и других мегаполисах. Налогообложение дорогой недвижимости даст стране не менее 500 млрд руб. В то же время это приведет к снижению цен на недвижимость и будет способствовать решению жилищного дефицита в стране.

Трудно объяснить скромные поступления в бюджет доходов от производства и продажи алкоголя, достаточно вспомнить роль этого источника накопления и в царской России, и в СССР. Не пора передать всю «цепочку» от производства спирта до продажи всех видов крепких спиртных напитков в руки государства?

Кроме того, все еще не до конца упорядочены платежи за хозяйственное использование недр, которые вполне могут увеличить долю поступлений в бюджет страны. Именно рента от использования всех видов природных ресурсов, которая в сегодняшней России составляет 75% общего национального дохода, может послужить источником экономического подъема и социального прогресса страны. Корректировка условий обложения налогом на добычу полезных ископаемых (НДПИ) может дать примерно 2 трлн руб. в год. Только приближение условий обложения НДПИ в газовой отрасли к условиям нефтяной предоставит около 1 трлн руб. дополнительных доходов. Образцом здесь может служить норвежская нефтяная промышленность. Менее чем за 30 лет этой стране удалось вывести новую для них отрасль экономики на мировой уровень: правительство Норвегии с самого начала осознавало, что в условиях государственной собственности на недра государство как собственник может требовать не только деньги, но с учетом ситуации и переговорной силы развивать поставки товаров и услуг местного происхождения для нужд нефтяной индустрии и формировать на этой основе современный и конкурентоспособный кластер [Григорьев, Крюков 2009, с. 29–30].

Недостаточными представляются предлагаемые для преодоления нищеты и бедности меры по обеспечению людям прожиточного минимума. Не говоря уже о необходимости его резкого повышения, этот минимум нужно дополнить современной системой минимальных социальных стандартов, включающих обязательные услуги системы жизнеобеспечения (свет, вода, тепло), здравоохранения, образования, культуры и системы поддержания общественного порядка. Однако реальная политика государства, скорее, говорит об обратном: федеральный центр с 2013 г. начал перекладывать финансирование социальной сферы на регионы, что

привело к заметному сокращению расходов, содействующих развитию человеческого потенциала страны. Например, в процентах от ВВП Россия в 2015 г. тратила на здравоохранение в 2 раза меньше, чем в среднем страны Евросоюза, но зато на национальную оборону – в 3 раза больше. По оценкам Всемирного банка, с 2013 по 2016 г. были сокращены региональные бюджеты на образование (–18%), медицину (–3%) и ЖКХ (–22%) [Хачатуров 2017].

Выше мы обсуждали вопрос о положении России на мировой шкале бедности, но наша страна совсем не бедна. В обоснование этого мы лишь приведем данные о концентрации в собственности богатейших людей страны гигантских национальных богатств⁵. По этим данным, на начало 2017 г. в стране было 96 долларовых миллиардеров, и по сравнению с предыдущим годом число их увеличилось на 19 чел. Причем данный тренд можно считать закономерным: с каждым годом их число в стране растет. Даже в кризисный 2009 г. количество долларовых миллиардеров увеличилось с 32 до 62 чел. В том же 2009 г. правительство выделило на антикризисные меры рекордную сумму в 4,6 трлн руб., а по данным «Форбс», состояние российских миллиардеров и мультимиллионеров выросло на те же самые 4,6 трлн руб.! В России 1% самых состоятельных сограждан получает 40% всех доходов, тогда как в США этот же 1% самых богатых располагает лишь 8% национальных богатств.

Также необходимо обратить внимание и на число мультимиллионеров, в который «Форбс» включил 200 владельцев состояний размером не менее 350 млн долл. [Березанская 2017]. Чаще всего эти суммы достаются им путем перечисления огромных дивидендов за заслуги перед компаниями, на благо которых они трудятся: так, члены совета директоров «Газпрома» должны были получить по итогам работы в 2017 г. 245 млн руб., что на 23% больше, чем годом ранее. Больше других получили председатель совета директоров Виктор Зубков (31,1 млн руб.) и его заместитель Алексей Миллер (на миллион меньше). Однако по сравнению с «Роснефтью» эти цифры могут показаться более чем скромными: «Роснефть» заявила о готовности выплатить членам правления 1,5 млрд руб., причем не за год, а за квартал [Полухин 2017]. По контрасту между многомиллионным бедным населением и группой россиян, входящей в состав богатейших людей мира, наша страна не имеет себе равных, и потому она могла бы позволить себе проводить неизмеримо более эгалитарную политику.

Основной результат сознательно проводившейся социальной политики аккумуляции Е.Ш. Гонтмахером и Т.М. Малевой в следующем фрагменте: «В 1990-е гг. в России возникли беспрецедентные по сравнению с советской эпохой различия как в текущих доходах и потреблении населения, так и в его обеспеченности недвижимостью, предметами длительного пользования. Как следствие, в стране усилилось социальное расслоение. <...> Образовавшиеся новые группы населения (богатые, средние классы, средне- и малообеспеченные) сформировали собственные уклады жизни. При этом в годы подъема <...> различия между данными укладами продолжали углубляться. Видимо, происходит их “капсулирование” (закрепление) из-за фактического прекращения процесса диффузии социальных групп»; наряду с этим резко уменьшилась социальная мобильность и сформировалась ориентация на извлечение ренты из достигнутого положения [Гонтмахер, Малеева 2008, с. 61].

⁵ Учет данных ежегодно проводит журнал «Форбс»; самые свежие цифры приведены на январь–март 2017 г.

Литература

- Абрамов М. (2011) О некоторых направлениях модернизации // Свободная мысль. № 2. С. 57–70.
- Аганбегян А. (2017) За 25 лет можно было сделать неизмеримо больше // Московский комсомолец // <http://www.mk.ru/economics/2017/10/12/akademik-aganbegyan-nazval-glavnyyu-problemu-rossiyskoy-ekonomiki.html>
- Бауман З. (2002) Индивидуализированное общество. М.: Логос.
- Бек У. (2000) Индивидуализация социального неравенства. К вопросу о деградиации индустриально-общественных форм жизни // Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция. С. 25–37.
- Белковский С. (2011) Союз жуликов и воров перешел в наступление // Московский комсомолец // <http://www.mk.ru/politics/2011/04/26/584462-soyuz-zhulikov-i-vorov-pereshel-v-nastuplenie.html>
- Березанская Е. (2017) Опубликован рейтинг 200 богатейших бизнесменов России 2017 г. // Forbes // <http://www.forbes.ru/milliardery/342943-opublikovan-reyting-200-bogateyshih-biznesmenov-rossii-2017-goda>
- Бобылев С.Н., Григорьев Л.М. (ред.) (2016) Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. Цели устойчивого развития ООН и Россия. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации.
- Бовт Г. (2017) Все несправедливее и несправедливее // Газета.ru. 9 октября 2017 г. // <https://www.gazeta.ru/comments/column/bovt/10922564.shtml>
- Бузгалин А.В. (2007) Так что же такое постиндустриальный капитализм, или Некоторые размышления в связи с идеями провала идей неэкономике, появления нового духа капитализма и роста креативного класса // Свободная мысль. № 4. С. 191–204.
- Валлерстайн И. (2003) Конец знакомого мира. М.: Логос.
- ВЦИОМ назвал три главные проблемы россиян (2017) // РБК // <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/59915fb69a79478541b93cca>
- Гонтмахер Е. (2008) Коэффициент ненависти // Московский комсомолец // <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2008/01/24/58668-koeffitsient-nenavisti.html>
- Гонтмахер Е., Малеева Т. (2008) Социальные проблемы России и альтернативные пути их решения // Вопросы экономики. № 2. С. 141–163.
- Готт Р. (2007) Новый лейборизм – клон тэтчеризма (к бесславному уходу Тони Блэра) // LeMonde Diplomatique. Русское издание.
- Григорьев Л.М. (2016) Социальное неравенство в мире – интерпретация неочевидных тенденций // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3. С. 160–170.
- Григорьев Л.М., Крюков В. (2009) Мировая энергетика на перекрестке дорог: какой путь выбрать России? // Вопросы экономики. № 12. С. 22–37.
- Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. (2017) Социальное неравенство как проблема экономической стратегии России // Экономическая политика. № 3. С. 58–71.
- Григорьев Л., Плаксин С., Салихов М. (2008) Посткризисная структура экономики и формирование коалиций для инноваций // Вопросы экономики. № 4. С. 25–43.
- Гринберг Р., Рубинштейн А. (2016) Мы построили рыночную, но асоциальную и примитивную экономику // Московский комсомолец // <http://www.mk.ru/economics/2016/12/01/vedushhie-ekonomisty-nazvali-tri-glavnykh-provala-rossiyskogo-gosudarstva.html>
- Делягин М. (2016) Грустные пенсии России // Московский комсомолец // <http://www.mk.ru/economics/2016/04/22/grustnye-pensii-rossii.html>
- Дризе Ю. (2011) «Устали крутиться. Разочарование в реформах ведет к пассивности» (интервью с Н.И. Лапиным) // Поиск. № 18–19 // <http://www.poisknews.ru/theme/science/1342/>
- Дружинин А. (2017) Путин предложил повысить МРОТ до 85 процентов от прожиточного минимума // РИА Новости // <https://ria.ru/society/20170911/1502314313.html>
- Из чего состоит потребительская корзина. Выписка из закона РФ «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации» (2005) // Bankfax.ru // <https://www.bankfax.ru/news/29996>

- Иванов В.Н., Суворов А.Н. (2006) Неравенство и бедность населения: опыт решения проблем в России и за рубежом // Проблемы прогнозирования. № 3. С. 132–149.
- Ильин В.И. (2008) Модели классобразования в посткоммунистическом мире // Мир России. № 2. С. 1–22.
- Иноземцев В. (2003) Глобализация и неравенство: что – причина, что – следствие? // Россия в глобальной политике. № 1. С. 158–175.
- Иноземцев В.Л. (2007) Природа и перспективы путинского режима // Свободная мысль. № 2. С. 39–59.
- Итоги 2006 года и будущее экономики России: потенциал несырьевого сектора (экономический доклад общероссийской организации «Деловая Россия») (2007) // Деловая Россия // <http://archive.deloros.ru/report/doklad2007.pdf>
- Кастельс М., Киселева Э. (2001) Россия в информационную эпоху // Мир России. № 1. С. 35–66.
- Климантова Г.И., Мухетдинова Н.М. (2001) Политика доходов и уровень жизни населения России в 1990-е годы // Проблемы развития человеческого потенциала в деятельности Совета Федерации. М.: Информационно-аналитическое управление Аппарата Совета Федерации ФС РФ.
- Колодко Г.В. (2007) Этика в бизнесе, экономике и политике // Вопросы экономики. № 11. С. 44–54.
- Колодко Г. (2009) Мир в движении. М.: Магистр.
- Кричевский Н. (2008) Обманные пункты расчетов. Почему наша жизнь не укладывается в статистику? // Московский комсомолец // <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2008/03/25/48573-obmannyie-punktyi-raschetov.html>
- Кричевский Н. (2017) Отчет Медведева в Думе: выхода нет // Московский комсомолец // <http://www.mk.ru/economics/2017/04/20/otchet-medvedeva-v-dume-vykhoda-net.html>
- Кругман П. (2009) Кредо либерала. М.: Европа.
- Кувшинова О. (1) (2016) ЕБРР: почти четверть граждан бывших соцстран беднее, чем в 1989 году // Ведомости // <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/11/03/663560-ebrr-sotsstran>
- Кувшинова О. (2) (2016) На долю 10% россиян приходится почти 90% национального богатства // Ведомости // <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/11/23/666552-10-rossiyan-natsionalnogo-bogatstva>
- Львов Д.С. (2004) Нравственная экономика. М.: Институт экономических стратегий.
- Львов Д.С., Овсиенко Ю. (2000) Российская пенсионная система и пути ее реформирования // Вопросы экономики. № 8. С. 111–117.
- Мир в цифрах-2007. Карманный справочник (2007). М.: «Олимп-бизнес»
- Миронов Н. (2016) Странный день календаря // Московский комсомолец // <http://www.mk.ru/politics/2016/11/09/strannyy-den-kalendarya.html>
- Налогообложение дивидендов в 2016–2017 годах (2017) // Главная книга // <http://glavkniga.ru/situations/k500981>
- Нигматулин Р.И. (2005) Главный инвестор рыночной экономики – сам народ // Официальный сайт автора nigmatulin.ru // http://www.nigmatulin.ru/index2.php?option=com_docman&gid=25&task=doc_view&Itemid=78
- Николаева Д., Шишкин М. (2015) Уровень бедности снижается. Дифференциация по доходам – нет // Коммерсантъ // <https://www.kommersant.ru/doc/760592>
- Обзор экономики России. Основные тенденции развития (2000). М.: РЦЭР при Правительстве РФ; Российско-европейский центр экономической политики. Вып. III, IV.
- Овчарова Л., Попова Д. (2001) Приоритеты политики содействия сокращению бедности в России. М.: РЦЭР при Правительстве РФ; Российско-европейский центр экономической политики. Вып. 1.
- Овчарова Л.Н., Бирюкова С.С., Попова Д.О., Варданян Е.Г. (2014) Уровень и профиль бедности в России: от 1990-х годов до наших дней. М.: ВШЭ.
- Пикетти Т. (2015) Капитал в XXI веке. М.: Ad Marginem.
- Полухин А. (2017) Бумажный тигр, крадущийся в «Газпром» // Новая газета // <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/05/25/72567-bumazhnyy-tigr-kraduschiysya-v-gazprom>

- Радаев В.В. (2000) Работающие бедные: велик ли запас прочности // Социологические исследования. № 8. С. 28–36.
- Разрыв в доходах москвичей – 35 раз, и только 5 раз – в Воронеже, Самаре, Уфе и Нижнем Новгороде (2015) // Исследовательский центр портала Superjob.ru // <https://www.superjob.ru/research/articles/111905/razryv-v-dohodah-moskvichej/>
- Рогов С.М. (2005) Функции современного государства: вызовы для России: Статья первая // Свободная мысль. № 7. С. 57–59.
- Российский статистический ежегодник (1994). М.: Росстат.
- Российский статистический ежегодник (2006). М.: Росстат.
- Российский статистический ежегодник (2007). М.: Росстат.
- Российский статистический ежегодник (2009). М.: Росстат.
- Россия в цифрах 2004: Краткий статистический справочник (2004). М.: Росстат.
- Россия и страны – члены Европейского Союза: стат. сборник (2003). М.: Росстат.
- Самсон И., Красильникова М. (2010) Средний класс в России: зарождающаяся реальность или старый миф? // Вестник общественного мнения. № 4. С. 61–72.
- Справка о величине прожиточного минимума (2003) // Garant.ru // <http://base.garant.ru/3921257/>
- Стиглиц Дж. (2015) Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо.
- Стэндинг Г. (2014) Прекариат: новый опасный класс. М.: Ad Marginem.
- Суринов А.Е. (2003) Уровень жизни населения России: 1992–2002 гг. (по материалам официальных статистических наблюдений). М.: ИИЦ «Статистика России».
- Хачатуров А. (2017) За нашу и вашу ренту. Государство все больше тратит на оборону, но население стало более зависимо от социальных выплат, чем в позднем СССР // Новая газета // <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/05/29/72614-za-nashu-i-vashu-rentu>
- Хлебников П. (2001) Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России. М.: Детектив-Пресс.
- Хобсбаум Э. (2004) Масштаб посткоммунистической катастрофы не понят за пределами России // Свободная мысль. № 12 // http://scepsis.net/library/id_421.html
- Шапошников В. (2017) У россиян копится быстрее всех // Коммерсант // <https://www.kommersant.ru/doc/3423671>
- Bourdieu P., Passeron J. (1977) *Reproduction in Education, Society and Culture*, London.
- Chan T.W., Goldthorpe J.H. (2007) Class and Status: The Conceptual Distinction and its Empirical Relevance // *American Sociological Review*, vol. 72, no 4, pp. 512–532.
- Global Wealth Report (2014) // Credit Suisse // http://economics.uwo.ca/people/davies_docs/credit-suisse-global-wealth-report-2014.pdf
- Goldthorpe J.H. (2000) Rent, Class Conflict, and Class Structure: A Commentary on Sorensen // *The American Journal of Sociology*, vol. 105, no 6, pp. 1572–1582.
- Goldthorpe J.H. (2002) Occupational Sociology, Yes: Class Analysis, No: Comment on Grusky and Weeden’s Research Agenda // *Acta Sociologica*, vol. 45, no 3, pp. 211–216.
- Grusky D.B. (ed.) (2001) *Social Stratification: Class, Race and Gender in Sociological Perspective*, Boulder, CO: Westview Press.
- Grusky D., Weeden K. (2001) Decomposition Without Death: A Research Agenda for a New Class Analysis // *Acta Sociologica*, vol. 44, no 3, pp. 203–218.
- Grusky D., Weeden K. (2002) Class Analysis and the Heavy Weight of Convention // *Acta Sociologica*, vol. 45, no 3, pp. 229–236.
- Marshall G. (1997) *Repositioning Class. Social Inequality in Industrial Societies*. London: SAGE Publications.
- Mingione E. (1991) *Fragmented Societies*, Oxford: Blackwell.
- Morgan S., Grusky D., Fields G. (eds.) (2006) *Mobility & Inequality: Frontiers of Research from Sociology & Economics*, Stanford: Stanford University Press.
- Outlook on the Global Agenda (2014) // World Economic Forum // <https://www.weforum.org/reports/outlook-global-agenda-2014>
- Pakulski J., Waters M. (1996) The Reshaping and Dissolution of Social Class in Advanced Society // *Theory and Society*, no 5, pp. 667–691.
- Rueschemeyer D., Mahoney J. (2000) A Neo-utilitarian Theory of Class? // *The American Journal of Sociology*, vol. 105, no 6, pp. 1583–1591.

- Scott J. (2002) Social Class and Stratification in Late Modernity // *Acta Sociologica*, vol. 45, no 1, pp. 23–35.
- Sorensen A. (2000) Toward a Sounder Basis for Class Analysis // *American Journal of Sociology*, vol. 10, no 6, pp. 1523–1558.
- Wright E. (2000) Class, Exploitation, and Economic Rents: Reflections on Sorensen’s “Sounder Basis” // *The American Journal of Sociology*, vol. 105, no 6, pp. 1559–1571.
-
-

Socio-economic Inequality in the Modern World and the Forming of New Kinds of Social Stratification in Russia

O. SHKARATAN*

***Ovsey Shkaratan** – Doctor of Science in History, Tenured Professor, Head, Laboratory for the Comparative Analysis of Post-Socialist Development, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: ovsey@hse.ru

Citation: Shkaratan O. (2018) Socio-economic Inequality in the Modern World and the Forming of New Kinds of Social Stratification in Russia. *Mir Rossii*, vol. 27, no 2, pp. 6–35 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-2-6-35

Abstract

This paper argues that today in Russia and in the whole world the problems of socioeconomic inequality remain an issue of great importance. The income gap between the rich and the poor does not decrease. Despite a significant rise in incomes at the beginning of the 2000s associated with economic growth, the estimates of inequality in Russia remain among the highest in the world. De facto social policies fail to attain their declared goals, and the redistributive potential of tax policies to provide social security to those most in need is far from being realized. A considerable share of the Russian population lives in poverty: although many people are not unemployed, and yet their earnings barely meet the minimum standard of living. The lack of egalitarian policies combined with the ever increasing number and wealth of extremely rich shows that the potential for reducing socio-economic inequalities in Russia is large.

Key words: socio-economic inequality, income stratification, poverty, social policy in Russia, neo-etacratism, living standards

References

- Abramov M. (2011) O nekotorykh napravleniyakh modernizatsii [On Some of the Directions of Modernization]. *Svobodnaya mysl'*, no 2, pp. 57–70.
- Aganbegyan A. (2017) Za 25 let mozno bylo sdelat' neizmerimo bol'she [We Could Have Achieved a Lot More in the 25 Years That Passed]. *Moskovskij komsomolets*. Available at: <http://www.mk.ru/economics/2017/10/12/akademik-aganbegyan-nazval-glavnuyu-problemu-rossiyskoy-ekonomiki.html>, accessed 28 February 2018.
- Bauman Z. (2002) *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized Society], Moscow: Logos.
- Beck U. (2000) Individualizatsiya sotsial'nogo neravenstva. K voprosu o detraditsionalizatsii industrial'no-obshchestvennykh form zhizni [The Individualization of Social Inequality – Life-forms and the Demise of Tradition]. Beck U. *Obshchestvo riska: Na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards a New Modernity], Moscow: Progress-Traditsiya, pp. 25–37.
- Belkovskiy S. (2011) Soyuz zhulikov i vorov pereshel v nastuplenie [The Union of Crooks and Thieves Has Gone on the Offensive]. *Moskovskij komsomolets*. Available at: <http://www.mk.ru/politics/2011/04/26/584462-soyuz-zhulikov-i-vorov-pereshel-v-nastuplenie.html>, accessed 28 February 2018.
- Berezanskaya E. (2017) Opublikovan rejting 200 bogateyshikh biznesmenov Rossii 2017 g. [A Rating of 200 Russia's Richest Businessmen Published]. *Forbes*. Available at: <http://www.forbes.ru/milliardery/342943-opublikovan-rejting-200-bogateyshih-biznesmenov-rossii-2017-goda>, accessed 28 February 2018.
- Bobylev S.N., Grigor'ev L.M. (eds.) (2016) *Doklad o chelovecheskom razvitii v Rossijskoj Federatsii. Tseli ustojchivogo razvitiya OON i Rossiya* [The Report on Human Development in the Russian Federation. The Goals of Sustainable Development in the UN and Russia], Moscow: Analiticheskij tsentr pri Pravitel'stve Rossijskoj Federatsii.
- Bourdieu P., Passeron J. (1977) *Reproduction in Education, Society and Culture*, London: Beverly Hills.
- Bovt G. (2017) Vse nespravedlivee i nespravedlivee [More Unjustly]. *Gazeta.ru*, 9 October 2017. Available at: <https://www.gazeta.ru/comments/column/bovt/10922564.shtml>, accessed 28 February 2018.
- Buzgalin A.V. (2007) Tak chto zhe takoe postindustrial'nyj kapitalizm, ili Nekotorye razmyshleniya v svyazi s ideyami provala idej neoekonomiki, poyavleniya novogo dukha kapitalizma i rosta kreativnogo klassa [So What is Post-industrial Capitalism, or Some Reflections Regarding the Failure of Neo-Economy of Ideas, the Emergence of a New Spirit of Capitalism and the Growth of the Creative Class], *Svobodnaja mysl'*, no 4, pp. 191–204.
- Castells M., Kiseleva E. (2001) Rossiya v informatsionnuju epokhu [Russia in the Information Age]. *Mir Rossii*, no 1, pp. 35–66.
- Chan T.W., Goldthorpe J.H. (2007) Class and Status: The Conceptual Distinction and its Empirical Relevance. *American Sociological Review*, vol. 72, no 4, pp. 512–532.
- Delyagin M. (2016) Grustnye pensii Rossii [The Sad Pensions in Russia]. *Moskovskij komsomolets*. Available at: <http://www.mk.ru/economics/2016/04/22/grustnye-pensii-rossii.html>, accessed 28 February 2018.
- Drize Yu. (2011) «Ustali krutit'sya. Razocharovanie v reformakh vedet k passivnosti» (interv'y u N.I. Lapinym) [“Tired of Spinning. The Disappointment with Reforms Leads to Passivity” (an interview with N.I. Lapin)]. *Poisk*, no 18–19. Available at: <http://www.poisknews.ru/theme/science/1342/>, accessed 28 February 2018.
- Druzhinin A. (2017) Putin predlozhit povysit' MROT do 85 protsentov ot prozhitocnogo minimuma [Putin Proposed Increasing Minimum Wage to 85% of Subsistence Minimum]. *RIA Novosti*. Available at: <https://ria.ru/society/20170911/1502314313.html>, accessed 28 February 2018.
- Global Wealth Report (2014). *Credit Suisse*. Available at: <http://economics.uwo.ca/people/davies/docs/credit-suisse-global-wealth-report-2014.pdf>, accessed 28 February 2018.
- Goldthorpe J.H. (2000) Rent, Class Conflict, and Class Structure: A Commentary on Sorensen, *The American Journal of Sociology*, vol. 105, no 6, pp. 1572–1582.
- Goldthorpe J.H. (2002) Occupational Sociology, Yes: Class Analysis, No: Comment on Grusky and Weeden's Research Agenda, *Acta Sociologica*, vol. 45, no 3, pp. 211–216.

- Gontmakher E. (2008) Koeffitsient nenavisti [The Coefficient of Hatred]. *Moskovskij komsomolets*. Available at: <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2008/01/24/58668-koeffitsient-nenavisti.html>, accessed 28 February 2018.
- Gontmakher E., Maleva T. (2008) Sotsial'nye problemy Rossii i al'ternativnye puti ikh resheniya [Russia's Social Problems and Their Alternative Solutions]. *Voprosy ekonomiki*, no 2, pp. 141–163.
- Gott R. (2007) Novyj lejborizm – klon tetcherizma (k besslavnomu ukhodu Toni Blera) [New Labourism – a Clone of Thatcherism (to the Disgraceful Leaving of Tony Blair)]. *LeMonde Diplomatique* (in Russian).
- Grigor'ev L.M. (2016) Sotsial'noe neravenstvo v mire – interpretatsiya neochevidnykh tendentsij [Social Inequality in the World – an Interpretation of Non-Apparent Trends]. *Zhurnal Novoj ekonomicheskoy assotsiatsii*, no 3, pp. 160–170.
- Grigor'ev L., Kryukov V. (2009) Mirovaya energetika na perekrestke dorog: kakoj put' vybrat' Rossii? [Global Energy Sector at the Crossroads: Which Way Should Russia Choose?]. *Voprosy ekonomiki*, no 12, pp. 22–37.
- Grigor'ev L.M., Pavlyushina V.A. (2017) Sotsial'noe neravenstvo kak problema ekonomicheskoy Strategii Rossii [Social Inequality as a Challenge to Russia's Economic Strategy]. *Ekonomicheskaya politika*, no 3, pp. 58–71.
- Grigor'ev L., Plaksin S., Salikhov M. (2008) Postkrizisnaya struktura ekonomiki i formirovanie koalitsij dlya innovatsij [The Post-crisis Structure of Economy and the Forming of Coalitions for Innovations]. *Voprosy ekonomiki*, no 4, pp. 25–43.
- Grinberg R., Rubinshtejn A. (2016) My postroili rynochnuyu, no asotsial'nuyu i primitivnuyu ekonomiku [We Built the Market, but Asocial and Primitive Economy]. *Moskovskij komsomolets*. Available at: <http://www.mk.ru/economics/2016/12/01/vedushhie-ekonomisty-nazvali-tri-glavnykh-provala-rossijskogo-gosudarstva.html>, accessed 28 February 2018.
- Grusky D.B. (ed.) (2001) *Social Stratification: Class, Race and Gender in Sociological Perspective*, Boulder, CO: Westview Press.
- Grusky D., Weeden K. (2001) Decomposition Without Death: A Research Agenda for a New Class Analysis. *Acta Sociologica*, vol. 44, no 3, pp. 203–218.
- Grusky D., Weeden K. (2002) Class Analysis and the Heavy Weight of Convention. *Acta Sociologica*, vol. 45, no 3, pp. 229–236.
- Hobsbawm E. (2004) Masshtab postkommunisticheskoy katastrofy ne ponyat za predelami Rossii [The Scale of Postcommunist Disaster Is Not Well Understood Outside of Russia]. *Svobodnaja mysl'*, no 12. Available at: http://scepis.net/library/id_421.html, accessed 28 February 2018.
- Iz chego sostoit potrebitel'skaya korzina. Vypiska iz zakona RF «O potrebitel'skoj korzine v tselom po Rossijskoj Federatsii» (2005) [The Consumer Basket. An Extract from the Law of the Russian Federation “On Consumer Basket in the Russian Federation”]. *Bankfax.ru*. Available at: <https://www.bankfax.ru/news/29996>, accessed 28 February 2018.
- Il'in V. I. (2008) Modeli klassobrazovaniya v postkommunisticheskom mire [The Models of Class Formation in the Post-Communist World]. *Mir Rossii*, no 2, pp. 1–22.
- Inozemtcev V. (2003) Globalizatsiya i neravenstvo: chto – prichina, chto – sledstvie? [Globalization and Inequality: What is the Cause and What is the Consequence?]. *Rossiya v global'noj politike*, no 1, pp. 158–175.
- Inozemtcev V.L. (2007) Priroda i perspektivy putinskogo rezhima [The Nature and Prospects of Putin's Regime]. *Svobodnaya mysl'*, no 2, pp. 39–59.
- Itogi 2006 goda i budushchee ekonomiki Rossii: potencial nesyr'evogo sektora (ekonomicheskij doklad obshcherossijskoj organizatsii «Delovaya Rossiya») (2007) [The Outcomes of 2006 and the Future of the Russian Economy: the Potential of Non-oil Sector (The Economic Report of the All-Russian Organization “Business Russia”)]. *Delovaya Rossiya*. Available at: <http://archive.deloros.ru/report/doklad2007.pdf>, accessed 28 February 2018.
- Ivanov V.N., Suvorov A.N. (2006) Neravenstvo i bednost' naseleniya: opyt resheniya problem v Rossii i za rubezhom [Inequality and Poverty: the Experience and Solutions in Russia and Abroad]. *Problemy prognozirovaniya*, no 3, pp. 132–149.

- Khachaturov A. (2017) Za nashu i vashu renru. Gosudarstvo vse bol'she tratit na oboronu, no naselenie stalo bolee zavisimo ot sotsial'nykh vyplat, chem v pozdnem SSSR [To Our and Your Rent. The State Is Spending More on Defense, but Population More Dependent on Social Insurance Payments Compared to Late USSR]. *Novaya gazeta*. Available at: <http://www.forbes.ru/milliardery/342943-opublikovan-reyting-200-bogateyshih-biznesmenov-rossii-2017-goda>, accessed 28 February 2018.
- Khlebnikov P. (2001) *Krestnyj otets Kremlya Boris Berezovskij, ili Istoriya razgrableniya Rossii* [Godfather of Kremlin: The Decline of Russia in the Age of Gangster Capitalism], Moscow: Detektiv-Press.
- Klimantova G.I., Mukhetdinova N.M. (2001) Politika dokhodov i uroven' zhizni naseleniya Rossii v 1990-e gody [Incomes Policy and the Standard of Living in Russia in the 1990s]. *Problemy razvitiya chelovecheskogo potentsiala v deyatelnosti Soveta Federatsii* [The Problems of Human Development in the Activities of the Federation Council], Moscow: Informatsionno-analiticheskoe upravlenie Apparata Soveta Federatsii FS RF.
- Kolodko G.V. (2007) Etika v biznese, ekonomike i politike [Ethics in Business, Economy and Politics]. *Voprosy ekonomiki*, no 11, pp. 44–54.
- Kolodko G. (2009) *Mir v dvizhenii* [World in Movement], Moscow: Magistr.
- Krichevskij N. (2008) Obmannye punkty raschetov. Pochemu nasha zhizn' ne ukladyvaetsya v statistiku? [Deceptive Calculations. Why Our Life Does Not Fit Into the Statistics?]. *Moskovskij komsomolets*. Available at: <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2008/03/25/48573-obmannye-punkty-raschetov.html>, accessed 28 February 2018.
- Krichevskij N. (2017) Otchet Medvedeva v Dume: vykhoda net [Medvedev's Report in the Duma: No Way Out]. *Moskovskij komsomolets*. Available at: <http://www.mk.ru/economics/2017/04/20/otchet-medvedeva-v-dume-vykhoda-net.html>, accessed 28 February 2018.
- Krugman P. (2009) *Kredo liberala* [The Conscience of a Liberal], Moscow: Evropa.
- Kuvshinova O. (1) (2016) EBRR: pochti chetvert' grazhdan byvshikh sotsstran bednee, chem v 1989 godu [EBRR: Almost a Quarter of the Citizens of Former Socialistic Countries Are Poorer than They Were in 1989]. *Vedomosti*. Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/11/03/663560-ebrr-sotsstran>, accessed 28 February 2018.
- Kuvshinova O. (2) (2016) Na dolyu 10% rossiyan prikhoditsya pochti 90% natsional'nogo bogatstva [10% of Russians Possess 90% of National Wealth]. *Vedomosti*. Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/11/23/666552-10-rossiyan-natsionalnogo-bogatstva>, accessed 28 February 2018.
- L'vov D.S. (2004) *Nravstvennaya ekonomika* [The Moral Economy], Moscow: Institut ekonomicheskikh strategij.
- L'vov D.S., Ovsienko Yu. (2000) Rossijskaya pensionnaya sistema i puti ee reformirovaniya [The Russian Pension System and the Ways of its Reforming]. *Voprosy ekonomiki*, no 8, pp. 111–117.
- Marshall G. (1997) *Repositioning Class. Social Inequality in Industrial Societies*, London: SAGE Publications.
- Mingione E. (1991) *Fragmented Societies*, Oxford: Blackwell.
- Mir v tsifrakh-2007. Karmannyj spravochnik* (2007) [Pocket World in Figures], Moscow: Olimp-Biznes.
- Mironov N. (2016) Strannyj den' kalendarya [A Strange Calendar Day]. *Moskovskij komsomolets*. Available at: <http://www.mk.ru/politics/2016/11/09/strannyj-den-kalendarya.html>, accessed 28 February 2018.
- Morgan S., Grusky D., Fields G. (eds.) (2006) *Mobility & Inequality: Frontiers of Research from Sociology & Economics*, Stanford: Stanford University Press.
- Nalogooblozhenie dividendov v 2016–2017 godakh (2017) [The Taxation of Dividends in 2016–2017]. *Glavnaya kniga*. Available at: <http://glavkniga.ru/situations/k500981>, accessed 28 February 2018.
- Nigmatulin R.I. (2005) Glavnyj investor rynochnoj ekonomiki – sam narod [The Main Investor of the Market Economy Are the People]. *The Official Website of the Author nigmatulin.ru*. Available at: http://www.nigmatulin.ru/index2.php?option=com_docman&gid=25&task=doc_view&Itemid=78, accessed 28 February 2018.

- Nikolaeva D., Shishkin M. (2007) Uroven' bednosti snizhaetsya: Differentsiatsiya po dokhodam – net [Poverty in Decline – Income Inequality Not]. *Kommersant*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/760592>, accessed 28 February 2018.
- Obzor ekonomiki Rossii. Osnovnye tendentsii razvitiya* (2000) [Overview of the Russian Economy. The Basic Tendencies of Development], Moscow: RCJeR pri Pravitel'stve RF; Rossijsko-evropejskij tsentr ekonomicheskoy politiki, vols. III, IV.
- Outlook on the Global Agenda (2014). *World Economic Forum*. Available at: <https://www.weforum.org/reports/outlook-global-agenda-2014>, accessed 28 February 2018.
- Ovcharova L.N., Biryukova S.S., Popova D.O., Vardanyan E.G. (2014) *Uroven' i profil' bednosti v Rossii: ot 1990-kh godov do nashikh dnei* [The Level and Profile of Poverty in Russia: From the 1990s Till Today], Moscow: HSE.
- Ovcharova L., Popova D. (2001) *Prioritety politiki sodejstviya sokrashcheniyu bednosti v Rossii* [The Policy Priorities of Poverty Reduction in Russia], Moscow: RCJeR pri Pravitel'stve RF; Rossijsko-evropejskij tsentr ekonomicheskoy politiki, vol. 1.
- Pakulski J., Waters M. (1996) The Reshaping and Dissolution of Social Class in Advanced Society. *Theory and Society*, no 5, pp. 667–691.
- Piketti T. (2015) *Kapital v XXI veke* [The Capital in the 21st Century], Moscow: AdMarginem.
- Polukhin A. (2017) Bumazhnyj tigr, kradushchisya v «Gazprom» [The Paper Tiger Crouching to “Gazprom”]. *Novaya gazeta*. Available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/05/25/72567-bumazhnyy-tigr-kraduschisya-v-gazprom>, accessed 28 February 2018.
- Radaev V.V. (2000) Rabotayushchie bednye: velik li zapas prochnosti [The Working Poor: A Great Margin of Safety]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 8, pp. 28–36.
- Razryv v dohodah moskvichej – 35 raz, i tol'ko 5 raz – v Voronezhe, Samare, Ufe i Nizhnem Novgorode (2015) [Income Gap in Moscow – 35 fold, Only 5 fold in Voronezh, Samara, Ufa and Nizhny Novgorod]. *Superjob.ru's Research Center*. Available at: <https://www.superjob.ru/research/articles/111905/razryv-v-dohodah-moskvichej/>, accessed 28 February 2018.
- Rogov S.M. (2005) Funktsii sovremennogo gosudarstva: vyzovy dlya Rossii: Stat'ya pervaya [The Functions of the Modern State: Challenges for Russia. The First Article]. *Svobodnaya mysl'*, no 7, pp. 57–59.
- Rossijskij statisticheskij ezhegodnik* (1994) [Russian Statistical Yearbook], Moscow: Rosstat.
- Rossijskij statisticheskij ezhegodnik* (2006) [Russian Statistical Yearbook], Moscow: Rosstat.
- Rossijskij statisticheskij ezhegodnik* (2007) [Russian Statistical Yearbook], Moscow: Rosstat.
- Rossijskij statisticheskij ezhegodnik* (2009) [Russian Statistical Yearbook], Moscow: Rosstat.
- Rossiya i strany-chleny Evropejskogo Soyuza* (2003) [Russia and Member Countries of the European Union], Moscow: Rosstat.
- Rossiya v tsifrakh 2004: Kratkij statisticheskij spravochnik* (2004) [Russia in Figures 2004: a Statistical Abstract], Moscow: Rosstat.
- Rueschemeyer D., Mahoney J. (2000) A Neo-utilitarian Theory of Class? *The American Journal of Sociology*, vol. 105, no 6, pp. 1583–1591.
- Samson I., Krasil'nikova M. (2010) Srednij klass v Rossii: zarozhdayushchayasya real'nost' ili staryj mif? [The Middle Class in Russia: Emerging Reality or an Old Myth?]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no 4, pp. 61–72.
- Scott J. (2002) Social Class and Stratification in Late Modernity. *Acta Sociologica*, vol. 45, no 1, pp. 23–35.
- Shaposhnikov V. (2017) U rossiyan kopitsya bystree vsekh [Russians Save Faster]. *Kommersant*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3423671>, accessed 28 February 2018.
- Sorensen A. (2000) Toward a Sounder Basis for Class Analysis. *American Journal of Sociology*, vol. 10, no 6, pp. 1523–1558.
- Spravka o velichine prozhitochnogo minimum (2003) [The Note on the Value of Subsistence Minimum]. *Garant.ru*. Available at: <http://base.garant.ru/3921257/>, accessed 28 February 2018.
- Standing G. (2014) *Prekariat: novyj opasnyj klass* [The Precariat: New Dangerous Class], Moscow: Ad Marginem.
- Stiglitz J. (2015) *Tsena neravenstva. Chem rassloenie obshchestva grozit nashemu budushchemu* [The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future], Moscow: Eksmo.

- Surinov A.E. (2003) *Uroven' zhizni naseleniya Rossii: 1992–2002 gg. (po materialam offitsial'nykh statisticheskikh nablyudenij)* [The Standard of Living in Russia: 1992–2002 (According to Data from Official Statistical Observations)], Moscow: IIC «Statistika Rossii».
- Wallerstein I. (2003) *Konets znakomogo mira* [The End of the World as We Know It], Moscow: Logos.
- WCIOM nazval tri glavnye problemy rossiyan (2017) [WCIOM Named the 3 Main Problems According to Russians]. *RBC*. Available at: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/59915fb69a79478541b93cca>, accessed 28 February 2018.
- Wright E. (2000) Class, Exploitation, and Economic Rents: Reflections on Sorensen's "Sounder Basis". *The American Journal of Sociology*, vol. 105, no 6, pp. 1559–1571.